

должно было, но замыслу автора, не просто украсить интерьер театра, но и показать, какие художественные ценности гибнут в горных аулах.

Структура книги проста и логична: последовательное изложение и графическая фиксация отдельных объектов в соответствии с их расположением и этнокультурными характеристиками, новые тенденции в горской архитектуре, проявившиеся в период после вхождения в состав Российской империи, и в заключительном разделе – обобщения, названные автором «Опыт истолкования».

Книга названа «Старый аварский дом...», но сам автор пишет, что в ней показаны и произведения зодчества других народов Нагорного Дагестана, проживавших в регионе, где им проводились исследования.

При всей академической точности и научной достоверности (как много говорят читателю признания типа: это помещение мною обмерено, в следующем я был, но не мог обмерить, а другие я не смог посетить) архитектуроведческий текст Г.Я. Мовчана отражает поэтичность восприятия и приподнятость изложения, героизацию объекта – отчасти это и дало возможность сделать некоторые интуитивные открытия, недостаточно обоснованные, казалось бы, сближения (например, с архитектурой Средиземноморья) и выводы.

Столь же поэтична, при всей точности и скрупулезности, графика автора – четкая, но очень живая линия, светотень, выявление структурности и деталей, местных особенностей орнамента, резьбы, петрографии (кажется, удачнее был бы термин «петроглифика»), выбор то ортогональных проекций, то перспектив, прорисовка старых фотографий и оттисков резьбы по дереву и камню, само расположение иллюстраций на страницах и в книге в целом помогают создать образ архитектуры аварцев. В качестве иллюстраций убедительно использованы также четко привязанные к конкретным объектам описания картины и рисунки Е.Е. Лансере и Г.Г. Гагарина. Г.Я. Мовчан был внешне и внутренне красивым человеком, и он создал красивую и глубокую книгу, которая всегда будет напоминать не только о великолепной (во многом, увы, уже утраченной) архитектуре, но и об авторе книги.

Еще когда в 1950 г. Г.Я. Мовчан защищал в МАРХИ кандидатскую диссертацию, один из выступавших, показывая на выставленные обмеры памятников дагестанской архитектуры, сказал: Мовчану, конечно, повезло, что он обследовал архитектуру такого художественного уровня, но повезло и Дагестану, что эту архитектуру обследовал именно Мовчан.

Путь книги к читателю был, как уже говорилось, долгим и трудным. Следует искренне поблагодарить сына Геннадия Яковлевича Алексея Геннадиевича, внука Дмитрия, издавшего книгу, и учеников Г.Я. Мовчана, прежде всего В.Д. Красильникова и автора обложки В.А. Шульрихтера, материально поддержавших издание монографии, которая стала выдающимся вкладом в изучение зодчества народов Дагестана и России в целом.

В.Л.Хайт, С.О.Хан-Магомедов

© 2002 г., ЭО, № 5

И. Г о р н е н с к и й. Легенды Памира и Гиндукуша. М., 2000. 207 с.

От отрогов Гиндукуша на юге до хребта Петра Первого на севере простирается Большой Памир. Его не случайно называют крышей, или вершиной мира: хребты этой горной страны достигают высоты 6000 и более метров. В силу изолированности и труднодоступности Великий Памир был почти неизвестен европейцам вплоть до конца XIII в., а именно до появления «Книги» итальянского путешественника Марко Поло.

Продлавший за три с половиной года долгий путь из Венеции в Пекин Марко Поло был первым из европейцев, который по личным наблюдениям описал высокогорный Памир¹. Эта загадочная и одновременно опасная страна, сокровища ее недр в протяжении многих столетий после Поло (как, впрочем, и до него) манили царей и ученых, полководцев и путешественников, не говоря уже о разного рода авантюристах. Как справедливо пишет о Большом Памире автор рецензируемой книги, «его мифичность и заурядность» так же непостижимы и притягательны, как «тайны Ульгима Тулле, Атлантиды, Гипербореи, Ойкумены» (с. 5).

Основной материал книги связан с Горным Бадахшаном. Этот регион (нынешняя Горно-Бадахшанская автономная область Республики Таджикистан) уникален в силу своего географического положения и социокультурного развития. Будучи высокогорным и потому труднодоступным, Горный Бадахшан фактически до конца XIX в. находился в изоляции от внешнего мира. Населяющие его народы (шугнанцы,

ваханцы, рушанцы, шипканимцы, язгулемцы и др.) до вхождения в состав России сохраняли патриархальный образ жизни, имели самобытную культуру и религию, являя собой пример социокультурных изолятов. Родственные связи между памирскими народами сложились к X в. на базе сакских племен, чему способствовали наличие общего субстрата, особые исторические, социальные и природные условия, а также единое для большинства памирских народов вероучение – исмаилизм, одно из малоисследованных направлений шиитского ислама. Он проник на Памир более десяти столетий назад и до сих пор играет в жизни памирских народов огромную роль. Будучи оторваны от равнинных территорий, горцы до настоящего времени сохраняют свои языки, многие древние обычаи и фольклорные традиции, которые давно исчезли в других местах Центральной Азии.

Автор подчеркивает, что за многие годы путешествий по Памиру он нашел не так уж много горцев, сумевших сохранить «древние духовные традиции своего народа» (с. 25). «Странствуя много лет, часто в одиночестве, по этим удивительным местам, – пишет он, – я стремился увидеть сокрытое – душу Памира. Множество таинственных преданий и легенд поведали мне горы: о незримых сокровищах сияхлушей (чужеземцы-завоеватели. – Т.К.), хранящихся где-то высоко в недоступной Рангульской пещере; о священной горе, о мазарах, святых и их тайнах; о прекрасных городах, некогда украшавших Алычурскую долину..., о древних обитателях Памира...» (с. 18–19). Действительно, величественная природа Памира и Гиндукуна – горные хребты, покрытые вечными снегами, цветущие альпийские луга, бездонное звездное небо – все это вдохновляло горцев на создание поэтических четверостиший, сказок, преданий и легенд.

В 1998 г. в ходе этнографической экспедиции на Западный Памир я собирал материал по истории и доисламским религиозным верованиям местных социокультурных изолятов. И однажды информанты – жители одного из горных селений – рассказали мне о некоем «вурусе» – русском, который недавно побывал в их краях и расспрашивал пожилых людей о «преданиях старины глубокой». «Кто же это мог быть?» – недоумевал я, перебирая в памяти имена российских исследователей Памира. Тогда я не предполагал, что этим «вурусом» был автор рецензируемой работы – Иоани Горненский.

Еще в юности он увлекался своеобразной игрой: разыскивал на географической карте тот или иной регион и мысленно там путешествовал. Позже, заинтересовавшись восточной поэзией, Горненский поставил перед собой цель попасть на Памир. Оказавшись в Душанбе, он встретил одного энтузиаста, много путешествовавшего по горам, который рассказал ему о святых местах – мазарах (памирцы называют их *остоны*) и об историях, с ними связанных. Встреча с этим человеком и предопределила интерес автора к собиранию преданий и легенд древнего Туркестана.

И. Горненский – не профессиональный этнограф, он – исследователь-путешественник, посетивший множество уголков России и сопредельных государств. Вместе с тем нигде, по его собственному признанию, он не нашел места лучше, чем «непостижимо привлекательные горы Памира» (с. 10).

Сразу следует оговориться, что рецензируемая книга – не монографическое исследование, снабженное картами, справочно-библиографическим аппаратом и прочими атрибутами научного издания. По сути и по жанру это полевые заметки, представляющие несомненный интерес для литературоведов, лингвистов и этнографов-памироведов. Информанты И. Горненского – люди самых разных профессий: чабаны, колхозники, охотники, гидрологи, учителя и др. Во время своего нелегкого путешествия он записывал рассказы как простых горцев, так и лиц духовного звания – халифов, сейидов, мулло, пиров, которые не только объясняли ему «значение многих специальных терминов восточного менталитета, но часто сами переводили с фарси на русский предания и легенды» (с. 13).

Во введении, названном «Пилигримы Памира», автор рассказывает о значении Большого Памира в древней истории человечества, а также об его исследователях – миссионерах, путешественниках, военных, ученых, которые начиная с XIII в. побывали в этом регионе. Он пишет, что «ученые с мировым именем месяцами с риском для жизни штурмовали неприступные скалы, обогащая науку новыми открытиями территории, столь же неведомой миру, как полюсы Земли» (с. 8), отмечая, что в кратком очерке невозможно перечислить имена многих известных и безвестных исследователей Памира.

Основной предмет исследований И. Горненского – это образцы устного народного творчества народов Памиро-Гиндукунского региона. В рецензируемой книге собрано более полусотни легенд и преданий, которые условно можно разделить на несколько групп. Одна из них посвящена реальным лицам, жившим или посещавшим этот регион (основатель исмаилитского учения Носир Хосров и др.), другая связана с именами легендарных святых (Шой Тирандоз, Ходжа Хызр и др.), третья повествует о мифических существах (известные всем памирцам демонические существа женского рода – *пэри*, или *пари*, и мужского рода – *дэвы*, персонаж киргизского фольклора *жестармак* и пр.), четвертая – о феномене «снежного человека» (местные жители называют его *гуль*), с которым автору, по его словам, приходилось сталкиваться в своих путешествиях по Памиру.

Собранные и включенные И. Горненским в книгу легенды и предания в известной степени отражают фольклорное наследие многочисленных народов Памира и Гиндукуна и позволяют составить представление о региональном устном народном творчестве. Одни из публикуемых легенд следует рассматривать как лингвистический, другие – как этнографический материал. Вместе с тем эти уникальные образцы устного

народного творчества представляют богатейшие возможности для этнолингвистического исследования духовной культуры жителей указанного региона.

Так, впервые на русском языке публикуются следующие оригинальные легенды и предания: об Александре Македонском и пэри (с. 185–189), святом Фокмамаде (с. 78–81), остоне Ходжи Аламбадоре (с. 116–117), жестармаке (с. 170), опиуме (с. 153–154). Можно лишь сожалеть о том, что автор не привел варианты тех или иных легенд, хотя для различных районов Памира и Гиндукуша характерна общность фольклорного материала. Варианты памирских легенд можно услышать не только в ряде местностей Таджикистана, но и у ираноязычных народов Ирана и сопредельного Афганистана.

Следует отметить, что в работе И. Горненского ни словом не упомянута вышедшая в Москве в 1990 г. книга «Сказки и легенды горных таджиков», одним из составителей, переводчиков и авторов комментария которой был известный, ныне покойный этнограф-памировед А.З. Розенфельд. Между тем в это издание уже включены приводимые в рецензируемой книге легенды о Баргуше, Шо Канбари Офтобе, Шо Носире, святом Бурхе и др.

Еще раньше, в 1976 г., этнолингвисты А.Л. Грюнберг и И.М. Стеблин-Каменский выпустили, снабдив соответствующими комментариями, книгу «Сказки народов Памира», в которой имеется ряд интересных образцов фольклора, связанных с демоническими персонажами – пэри, дэвами и др. Множество легенд и преданий, в том числе включенных в книгу «Легенды Памира и Гиндукуша», собраны в ходе этнографических и фольклорных экспедиций сотрудниками Института гуманитарных наук Памирского филиала АН Республики Таджикистан².

И. Горненский указывает, что «ни в старое, ни в наше время мир духов серьезно не изучался исследователями Памира, поэтому автору пришлось быть одним из пионеров в этой области» (с. 29). На самом деле на указанную тему писали многие видные российские ученые: М.С. Андреев, А.А. Бобринской, И.И. Зарубин, Н.А. Кисляков, Б.А. Литвинский, А.З. Розенфельд, И.М. Стеблин-Каменский и др.³

Немало страниц книги посвящено доисламским и исмаилитским религиозным верованиям, быту, традициям и нравам горцев. Так, автор развенчивает необоснованные слухи о свободе нравов у «памироков». Вместе с тем он подчеркивает, что они не были скованы законами шариата, как другие мусульманки, никогда не носили чадру и имели право голоса в семье наряду с мужчинами. Тяжелая жизнь горцев, их постоянная борьба со стихиями природы – землетрясениями, селями, разливами рек, морозами, доходящими зимой до минус 40°, ураганными ветрами – не ожесточили их, а, напротив, породили в характере такие качества, как доброта и гостеприимство.

Необходимо подчеркнуть, что И. Горненский не скрывает своей любви к народам, населяющим Памир и Гиндукуш. Правда, иногда восторженные отзывы о них принимают, на наш взгляд, форму некоторой идеализации (с. 12, 19, 27 и др.).

В последние десятилетия неоднократно предпринимались попытки объявить Памир прародиной того или иного народа. Так, в 1980-е годы в Китае высказывалось мнение, что на Памире некогда жили китайцы. Отсюда делался далеко идущий геополитический вывод, что Памир – часть территории КНР. Российский ученый Б.А. Литвинский убедительно доказал необоснованность такого вывода⁴. Таджикский историк А. Шохуморов пытался доказать, что Памир – прародина ариев⁵. Не избежал соблазна сделать подобное заключение и Горненский, который пишет: «Некогда здесь была мифическая страна Арьяварта, в Зенд-Авесте Ариана-Вайджа, откуда и выплыли наши далекие предки арии и затем после неведомой нам катастрофы или войны разбрелись по всему миру: часть ушла в Индию, а другая часть на север – в Азию, Урал и Европу» (с. 20). Подобная точка зрения, на наш взгляд, весьма спорна и требует дополнительных исследований и обоснований.

Никак нельзя согласиться и с утверждением И. Горненского, будто Памир – «это прародина наших предков, славян-росов» (с. 36). В качестве доказательства он приводит этнонимы Рупцак, Рустак, Рошвор, Рошкала, якобы своим корнем связанные с библейским народом Рош, «который некогда вышел по пути на запад из высокогорных плато Памира». Кроме того, автор пишет: «В афганском Бадахшане, недалеко от Файзабада, есть камень Урус Санги Муэр (правильно Мухр. – Т.К.), что значит Камень русских печатей. Старики говорят, что на нем в далекие времена предки урусов, уходя на Север, оставили свою *васику* (документ на право владения змлей). Непременно вернутся урусы и возьмут все до Гуджарата, считают до сих пор старейшины в Афганистане» (с. 35–36).

По мнению многих ученых, прародина индоевропейской общности, в которую входили славяне (праславяне), находилась на юге современной России и Украины, хотя существует и гипотеза о том, что ее следует искать в Малой Азии. Ссылка же И. Горненского на неких безвестных стариков и старейшин Афганистана не выдерживает научной критики.

Автор рецензируемой книги подготовил небольшой глоссарий терминов на памирских языках, которые встречаются в легендах. Однако И. Горненский, судя по всему, не владеет языками Памира, вследствие чего ему не удалось избежать ряда ошибок и неточностей в написании топонимов, имен людей, терминов (селение *Нимос*, а не *Мимоз*; имя *Гулкурбон*, а не *Гулькурбум*; деревянный дом *чид*, а не *чит*; рай – *бишт*, а не *бешт*; золотой сад *Боги Хазорсеб*, а не *Боги Азурад*, и т.п.).

В заключение отметим, что ценность любых – историко-этнографических, археологических, лингвистических, антропологических – исследований Большого Памира несомненна и обусловлена рядом факторов. Главный из них – то, что многие народы Памиро-Гиндукульского региона до сих пор не имеют собственной письменности, что затрудняет сбор научной информации об их материальной и духовной культуре. Кроме того, имеющиеся сообщения иностранных письменных источников для древнего и средневекового периодов Памира достаточно отрывочны и не дают целостного представления о социокультурной истории живущих здесь народов. До настоящего времени, например, в западной части Памира не проводилось ни одного комплексного археолого-этнографического исследования. Именно поэтому появление любого исследования, посвященного истории, географии или духовной культуре народов Памира, – это, безусловно, определенный вклад в сокровищницу памироведения. С этой точки зрения и следует, по нашему мнению, рассматривать выход в свет книги И. Горненского.

Примечания

¹ Книга Марко Поло. М., 1955. С. 76.

² См.: Рукописный фонд Института гуманитарных наук Памирского филиала АН Республики Таджикистан.

³ См.: *Бобринской А.А.* Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкапимцы). М., 1908; *Андреев М.С.* Чильтаны в среднеазиатских верованиях // В.В. Бартольд. Ташкент, 1927; *Зарубин И.И.* Рождение пугнанского ребенка и его первые шаги // Там же; *Кисляков Н.А.* Бурх – горный козел (Древний культ в Таджикистане) // Сов. этнография (далее – СЭ). 1934. № 1/2; *Розенфельд А.Э.* Материалы по этнографии и пережиткам древних верований таджикоязычного населения Советского Бадахшана // СЭ. 1970. № 3; *Литвинский Б.А.* Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972; *Стеблин-Каменский И.М.* Памирские языки о мифологии древних иранцев // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н.э.). М., 1981 и др.

⁴ *Литвинский Б.А.* Арсал древнепамирской культуры // Памироведение. Вып. 2. Душанбе, 1985.

⁵ *Шохуморов А.* Памир – страна ариев. Душанбе, 1997.

Т.С. Каландаров

© 2002 г., ЭО, № 5

Донгшонская культура во Вьетнаме. Ханой, 1994 (на вьет. яз.); **Фам Минь Хюен.** **Донгшонская культура: единство и многообразие.** Ханой, 1999 (на вьет. яз.).

Российскому ученому миру хорошо знакомы достижения современных вьетнамских археологов в изучении древнейшего прошлого страны. Много сделано для открытия и изучения памятников эпохи палеолита на территории Вьетнама. В этой грандиозной работе самое активное участие принимали советские археологи. В первую очередь следует назвать имя выдающегося ученого проф. П.И. Борисковского. Под его руководством некоторые молодые вьетнамские археологи защитили кандидатские диссертации и теперь успешно продолжают на родине свою исследовательскую деятельность.

Одной из актуальных тем вьетнамской археологии была и остается проблема изучения донгшонской культуры, которую принято датировать IX в. до н.э. – II в. н.э. В эту эпоху между народами региона существовали довольно тесные связи. Вьетнамские ученые придают большое значение изучению донгшонской культуры, связывая ее с историей формирования вьетского этноса. Об этой культуре написано немало. Так, некоторые итоги ее исследования были доложены в 1979 г. в Хабаровске на 14-м Международном Тихоокеанском конгрессе¹. Теперь современная вьетнамская археологическая наука как бы подводит итоги изучения донгшонской культуры. Складывается впечатление, что исследование ее в нынешнем Вьетнаме приобретает черты национальной науки. В последние годы именно этой проблеме посвящены основательные обобщающие монографии: коллективная – «Донгшонская культура во Вьетнаме» и индивидуальная – Фам Минь Хюен «Донгшонская культура: единство и многообразие».

Первая монография «Донгшонская культура во Вьетнаме» – труд 11 авторов – сотрудников Института археологии Национального центра общественных и гуманитарных наук Вьетнама. Она представляет собой результаты новейших исследований донгшонской культуры и точку зрения современной вьетнамской науки на происхождение и историю этой крупнейшей культуры Юго-Восточной Азии эпохи бронзы.